

Девушка со скрипкой

Наталья Чернышева

Осенний лес прозрачен, холоден и сиренево-ал. У нас не бывает желтых по осени деревьев, из земных растений прижились только седые кремлевские ели, остальным не по вкусу пришлись местное солнце и местная почва. Если где-то еще растут, то не здесь.

Не на севере Лебединого континента.

Почему назвали именно так?

Из космоса похож на расправившего крылья лебедя — вот почему.

И мы с Ленкой сейчас на самой оконечности северного крыла. Родные места. Полуостров Каменистый, сюда когда-то ехали жить, строиться и растить детей большие и дружные семьи первопоселенцев. Полуостров, собственно, и представлял собой гигантское перо каменного лебедя. Да, лебеди у нас тоже не прижились.

И люди...

Ленка, Леночка, Ленуша... Елена Евгеньевна Картошкина.

Идет впереди, легко, будто танцует. Будто не у нее за спиной многокилометровый недельный марш и не она недавно металась в горячке — простыла. Мне кажется, будто Ленка и сейчас температурит, но, чтобы проверить, ее надо остановить, потрогать лоб... взять за руку хотя бы... и нарваться на скорбный взгляд.

Она никогда не скандалит, Ленка. Не жалуется. Просто смотрит, но так, что самому хочется провалиться сквозь землю. «Я — сильная, — скажет мне ее взгляд. — Не смей жалеть меня, Алексей!»

А как объяснить ей, что это у меня не жалость?

Четыре года назад, такой же осенью, к нам во вторую половину коттеджа въехала семья Картошкиных. Я знал о новых жильцах заранее, более того, мне сказали, что у них ребенок моего возраста. И как нельзя кстати это пришлось. Потому что все мальчишки нашего полуострова были либо здорово старше меня, либо намного младше. А тут — мой ровесник. И как же я ждал этой встречи! Будем дружить, одни против всей несправедливости мира, будем убежать на целый день в лес, печь в костре местную вродерепу, ходить на лодке под парусом в море, носить домой самолично выловленную рыбу. Наконец-то у меня появится друг...

А наутро приехали Картошкины, и вместо придуманного мной для себя друга приехала она, Ленка, — маленькая тощенькая девчоночка с двумя крысиными хвостиками вместо косичек, в красном, в крупный белый горох платице по коленки, со вздернутым носишкой и конопушками на худых щеках, с такими большими глазами, что они казались нарисованными на бледном остреньком личике.

Жестоко.

И я, десятилетний дуралей, не придумал ничего лучше, кроме как мстить за такую жестокость всеми, доступными мне способами.

До сих пор от стыда в затылке свербит, стоит только вспомнить.

ФАНТАСТИКА

Она ведь не жаловалась, Ленка. Даже тогда.

Некоторые рождаются со стальным стержнем внутри. Не согнешь, пыхти не пыхти, хоть и кажется, что человек хрупок и слаб, как тростинка, которую соплей перебить можно. А вот. Не согнешь. Разве только сломаешь, но это особый совсем уже случай.

Лес поредел. Я помнил, знал — сейчас блеснет сквозь стволы полоса бескрайнего Северного океана, а глухой рокот волн, бьющих в скалы, давно уже не покидал уши. Минут через десять мы выйдем к берегу. На белые скалы, до подножия которых лететь метров двадцать, наверное, и еще столько же тонуть. Глубоко, очень глубоко. Мы прыгали тут с силовым поводком, проверяя себя на мужество. Ну, знаете эту опасную забаву: «верю — не верю». За нее нам прилетало по мягкому месту от рассерженных отцов только в путь. Как будто сами они не играли никогда в нечто подобное там, на Старой Земле, оставшейся в легендарном розовом прошлом.

Да.

Не от хорошей жизни Земля рассылала межзвездный транспорт. Перенаселение, неутрахающие вооруженные конфликты, которые войнами никто давно уже не называл, — грызня за ресурсы планеты не утихала, с каждым годом выходя на новый виток.

Кто же знал.

Первые десятилетия жизни на новом месте прошли в раю обетованном. Мы устраивались, возводили города, осваивали новые земли, рожали детей. А потом пришли они. Братья, мать их за ногу, по разуму.

Багряноголовые.

Маресао.

Белый камень под ногами. Свинцово-серый океан впереди. Тяжелые, нагруженные первым снегом тучи. Все, край. Пришли.

Вспомнилось, как мы с Ленкой сидели здесь четыре года назад, теплым летом, сидели, обхватив коленки, смотрели сквозь прозрачные северные сумерки на звезды и не верили, не верили, не верили!

Что пространственный бой за планету давно проигран. Что на планету — вот прямо сейчас, пока сидим! — спускаются враги. Что договориться с ними невозможно: они не собираются делить планету с конкурентами. Две расы в одном мире? Шутить изволите. Выживет сильнейший.

Сильнейшими оказались они

Вечер был тих, ласков, наполнен запахами и звуками океана, медовым ароматом цветущих лесных трав, хвоей высаженных нашими отцами елей.

— Не может быть, чтобы совсем нельзя было договориться, — сказала тогда Ленка.

— Не договорились же, — пожал плечами я.

— Значит, не нашли нужных аргументов, — серьезно ответила она.

Да какие аргументы для того, кто смотрит на тебя сквозь узкую прорезь прицела! Кто спит и видит, как ты подышаешь. Кому без разницы, кого жечь — военных роботов или живых людей. Детей. Я не сказал этого Ленке тогда, она не смотрела новостей, а я видел. Записи. Тайком от отца, украдкой. И у меня язык скорее отсох бы — Ленке пересказывать. Не говоря уже о том, чтобы ей показать. Но слова ее хорошо запомнил.

Аргументов не нашли. Ну надо же!

Контрольный в голову, раз уж вы других аргументов не признаете, драгоценные вы наши носители разума, представители инопланетной культуры. Гореть вам огнем при жизни и жариться в аду в посмертии.

Но с контрольным в голову, признаем неприятную правду, у нас не задалось.

Мы проигрывали по всем статьям. И в технике. И в банальном количестве — их было тупо больше, и были они умнее нас, и дрались они лучше нас, и вооружены были лучше, а самое главное, жалости в них не было ни на грамм. Только голый расчет, как у робота.

«Мы слишком похожи, чтобы ужиться на одной планете. Вы не уйдете отсюда, потому что не имеете такой возможности — у вас нет кораблей. Мы не уйдем отсюда, потому что ресурс нашего флота истощен бесконечными поисками подходящего для жизни мира. Но мы не сможем ужиться на одной планете. Мы — слишком похожи. Конфликты и будущие войны неизбежны. А нашим потомкам война не нужна».

Так они рассуждали. Мы это слышали от пленных не раз, чтобы понять, какого черта им нужно. Потом брать в плен перестали. Да они не сдавались сами. Нашли себе цель — безоблачное будущее для своих детей драгоценных — и умирали за эту цель легко. Но все же больше, чем умирали сами, убивали нас.

Сожженные города. Абсолютное превосходство врага в воздухе. Партизанская жизнь, подземная, лесная, акты отчаяния... Нас же не брали в плен, никакой поддержки во вражеских поселениях мы не находили и найти не могли. Удивительно еще, как мы продержались целых четыре года... На ярости держались. На отчаянии. На упрямой злости.

И вот теперь наступал конец.

Может, мы с Ленкой последние из всего рода человеческого? Стоим вот здесь, на продуваемой всеми ветрами скале, скале нашего детства, и нас видно, как на ладони, — загнали, словно диких зверей. Загнали! И в любой момент... в любой...

— Ненавижу, — выдохнул я, сжимая кулаки. — Ненавижу!

Поднял голову в небо, туда, где кружили вокруг мира, ставшего нам родным, вражеские спутники-стервятники, и заорал во весь голос:

— Ненавижу, гады! Ненавижу, подонки! Чтоб все вы сдохли! Все! Вы! Сдохли!

— Алексей! — Ленкина рука легла мне на локоть.

Знакомый до боли, упрямый взгляд. Стало стыдно, я замолчал. Сгреб ее в объятия, прижал к себе. Я любил ее. Я помнил все ее родинки, все старые шрамы и новые раны, конопушки на щеках, на шее, на груди, ее нежность и неистовство, звенящую в каждом движении сталь неукротимого духа. Лучший наш снайпер, безжалостный, не знающий промаха, — Ленка, Леночка, Ленуша, Елена Картошкина. Она звала себя по нотам: «до», «ре», «ми», «фа», « соль », « ля », « си », « до ». Но позывной почти сразу обрезало до короткого «До», а за глаза скоро стали звать «Ночной Ведьмой». В последнее время не стеснялись и в глаза, Ленке было все равно: ведьма так ведьма, что поделаешь, жизнь такая. И

только я шептал ей «любимая» в краткие мгновения личного времени, полные яростного взаимного чувства...

— Это конец. Алексей, — сказала она, не поднимая головы от моей груди, — мы сейчас умрем. Да?

— Да, Ленуша. — Слова едва продирались сквозь ржавые иглы, выросшие вдруг в душе и горле. — Это конец.

Открытое место. Ни одного патрона. А они — конечно же в броне. Сейчас вот выйдут из леса, даром, что ли, гнали по пятам столько дней. Никаких пафосных поединков, никакого несчастного книжного благородства, никакого, черт их всех дери, Братства Великого Кольца (да, гражданин Ефремов, я Вас прочел еще в детстве, старая затрепанная книжка с серебрянкой на торцевых краях страниц, раритет, доставшейся отцу от его прадеда, со штампом на обложке «Золотая Библиотека Фантастики»). Нас пристрелят на расстоянии и с расстояния же сожгут огнеметом наши трупы, чтобы не разлагались тут, источая в чистый морской воздух мерзкое зловоние.

Мы умрем.

— Но мы еще живы, Алексей. — Ленка отстранилась, уперлась ладонью мне в грудь, потому что не хотел я, не хотел отпускать ее. — Пусти... Пока мы еще живы...

Я нехотя разжал пальцы. Ленка шагнула назад, сунула руку за пазуху и извлекла тонкую, узкую коробочку.

Я знал, что это такое. Виртуальная скрипка, эмо-скрипка, инструмент капризный и коварный. Чтобы играть на нем более-менее сносно, требуются годы тренировок и талант.

У Ленки не было таланта.

У Ленки была гениальность.

Та самая, с которой рождаются один раз в пятьсот лет, чтобы оправдать существование мира.

Я знал — видел не раз! — как это будет. Тонкое, невесомое касание пальцев — и в воздухе развернется голографический инструмент. Полная голограмма, с невероятно чувствительной тактильной зоной. Возмает над дрожащими виртуальными струнами виртуальный смычок, Ленка кроет глаза, и в мир хлынет Музыка.

На эмо-скрипке невероятно трудно достичь чего-либо, если не умеешь контролировать себя. На каждый вдох, на каждый мыслешорох она реагирует сполохами переливчатого света. Среди эмо-скрипачей высоко ценится умение играть в каком-либо одном оттенке. На крайний случай — в двух. Все, что больше двух, — любительская возня на уровне детского сада. За исключением специальных многоцветных композиций, но и они ценятся ниже качественного однотонного проигрывания.

Ленка повела смычком, проверяя настройку инструмента. «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан». До. Ре. Ми. Фа. Соль. Ля. Си.

Сквозь тяжелые тучи вдруг пробился луч закатного солнца и облил Ленкину фигуру багровым огнем. Нехороший, тревожный свет. Плохое предзнаменование, плохое...

А что у нас сейчас вообще могло быть хорошего?

Я боялся оглянуться на лес, из которого мы только что вышли. Знал, что я там увижу. Точнее, кого.

Ленка закрыла глаза, вскинула голову и заиграла. И мир замер в восхищенном внимании вместе со мною. Скрипка пылала ослепительным светом, вспарывая сумерки ледяного ненастного вечера. Я вдруг осознал его цвет. Белый.

Белую мелодию на эмо-скрипке сыграть сложно, очень сложно. Она требует полного сосредоточения, идеального душевного равновесия, потому что вбирает в себя все остальные цвета. По пальцам можно было пересчитать тех, у кого хотя бы раз в жизни получалось такое. И никого — кто сумел бы повторить однажды пойманный баланс

вдохновения снова. А большинство даже не посягало на подобный уровень, оценивали свои возможности, понимая с едкой горечью — не вытянут никогда. У Ленки вот тоже, несмотря на уникальную одаренность, не получалось, хоть она и старалась.

До сегодняшнего мига.

Чистейшее белое сияние. Ослепительно-белое. Снежно-белое. Без капли примеси какого-либо другого цвета. И музыка — яростная, как порывы ураганного ветра. И, как ветер, неистовая.

А потом ангельскую белизну окрасил в багровые тона плазменный залп.

Клянусь, музыка все еще звучала, когда Ленкина рука опала бессильно и виртуальная скрипка, лишившись поддержки человека, погасла!

Я успел подхватить, не дал удариться затылком о камень. Но и только. Ленка была мертва, огонь ее погас, и в наступившей сумеречной мгле я вдруг увидел, как преследовавший нас отряд уходит, втягивается в мрачный лес, исчезает среди деревьев.

— А ну стоять, сволочи! — заорал я им вслед. — Стоять, гады!

Кто там меня слушал! И что я бы им сделал? С разряженной пушкой. С ножом — против брони.

Ушли.

Я остался один, единственный живой, которого пощадили в насмешку. Пустота и тишина разрывали меня на части. Я орал, матерился, рыдал, катался по влажной скале — тучи сгустились, пошел дождь. Мелкий, осенний, холодный. Почему — ее? Почему не меня?! Почему, почему, почему?

Ответа не было.

Ленка лежала неподвижно, и по ее мертвому лицу ползла влага, как слезы. Тогда я подобрал коробочку скрипки, взял Ленку на руки и шагнул с обрыва...

...Я внимательно изучил рекомендации. Потом так же тщательно оглядел своего, так сказать, будущего напарника. Что ж, у нас — мир во всем мире, жизнь продолжается, и все такое. Тринадцатый уже год как.

Дурное это и очень нелегкое дело — мирить два озверевших народа. У каждого семьи погибли, дети, родители, братья, сестры — руки в крови по локоть у каждого. Но Старшие маресао и наш Президиум выступили единым фронтом.

Нашим деваться было некуда, нас осталось всего тридцать семь миллионов вместо семисот тридцати. А маресао прониклись Ленкиной лебединой песней.

Как она говорила тогда? «Значит, не нашли нужных аргументов». Вот. За свой аргумент она заплатила жизнью. У ее убийцы нервы сдали не зря. Догадывался, гад, что окончится именно этим. Мирным договором. Который в гробу видал, потому что мы ведь тоже все эти четыре года не сидели смиренно пушистыми зайками, им было за что мстить нам, хоть и не мы первые начали.

На Белой скале стоит теперь памятник Девушке со скрипкой. Раз в год туда приходят эмо-скрипачи и играют до посинения. Сначала свое, потом пытаются повторить ее мелодию. И даже продолжить. Я в этот день всегда напиваюсь прямо с утра, чтобы перележать все это в состоянии бревна и ничего не слышать, не думать ни о чем, не переживать. Слишком больно.

Жизнь поскакала в мирную колею семимильными прыжками не сразу. Самыми трудными, как всегда, оказались первые годы. Перелом наступил только лет через семь.

Сказал бы мне кто, что я буду смотреть на багряноголового, просто — смотреть и даже не пытаться вцепиться ему

в глотку. Я бы плюнул тому в его бесстыжие глаза. А сейчас ничего, смотрю. Не впиваясь в глотку. Даже руки не дрожат.

Поймите меня правильно. Я их ненавижу. Они — гуманоидны, так похожи на нас: лицо, разрез глаз, форма носа — в пределах расовых различий. Когда смотришь на такого издалека, ни за что не подумаешь, что это не человек. Но это — не человек! У них волосы багрового, красного или темно-розового цвета, с обязательным отливом в фиолетовую синеву, за что этот народ и получил свое прозвище. Глаза — лиловые, без белков, и зрачок — ромбовидной звездочкой. Они — не люди. Нелюди.

И это они убили Ленку!

Но за расизм я могу вылететь с должности. Легко. А мне этого не надо. Пока не надо.

— Имя?

— Там написано.

— А ты голосом скажи, — подавив раздражение, предложил я.

— Барунéo Сапушоаó.

Мне его имя ничего не сказало. Если бы сказало, я б отправил его лесом. Но я не знал никого из Сапушоаó. Впервые слышал такую фамилию. Парню повезло.

— Воевал? — Вопрос с подвохом, на грани, но ведь невозможно удержаться...

— Не успел.

— Понятно, — кивнул я.

— Что тебе может быть понятно, ты?! — зашипел вдруг он, подаваясь вперед. — Что... тебе... понятно... — Уперся кулаками в стол, навис надо мной, от него удушливая волна черной злобы. — Вся моя семья... В Радеонарангаро... Вы называли это место Злой Звездой...

Злая Звезда. Одна из самых успешных наших операций на второй год войны. Там, кстати, до сих пор лысое место, ничего не растет...

Может, вывалить в ответ свой собственный список?

Я сказал просто:

— Я — Алексей Федоров, Барунео.

Даже добавлять не стал: что, мол, тот самый Федоров — и так ясно. Всю мою до-мирную биографию каждый школьник знал теперь наизусть.

Барунео сник. Оттолкнулся от стола, отошел на два шага. Молчал. Выгоню его, пришлют другого такого же. Это ж принцип теперь у нас: мир, дружба, бхай-бхай. Человек и маресао — братья навек. Хоть в Непримиримые иди. Да толку? Там ненависть ведрами, что с нашей стороны, что с их. А я ненависти хлебнул через край, больше не хочу. Спасибо ребятам из Службы психического здоровья. Хорошо поработали. Качественно.

— Давай так, Барунео, — предложил я. — Мне нужен помощник. Тебе нужна работа. Договариваемся поначалу не пить друг у друга кровь без причины, а там как пойдет. Согласен?

— Согласен, — угрюмо буркнул Барунео.

С Барунео мы сработались на удивление быстро. Умный, исполнительный, молчаливый — клад, а не помощник. И свой высокий диплом подтвердил делом буквально на первом же объекте. Я его зауважал, хотя старался особо своего отношения не показывать. Подозреваю, что он делал ровно все то же самое.

Мы восстанавливали и строили заново энергосистему планеты, по всему Лебедю поднимались наши атомные станции, и пришел день, когда наконец-то мы замкнули Северное энергетическое кольцо в единую систему. После чего взялись за такой же проект на юге. Жизнь продолжалась...

— Слышал новости, Алексее? — сказал как-то мой помощник, входя в кабинет ранним утром.

— Какие?

Новый проект требовал внимания. Я взялся за него с таким азартом, какого сам от себя не ожидал, и потому все новости мелькали мимо. К тому же самые важные приносил Барунео, мне этого было довольно.

— В Репродуктивном центре Златорога родился первый здоровый малыш в смешанном браке.

— Да ну! — не поверил я.

— Ну да, — вернул мне усмешку Барунео. — Не без генной инженерии, разумеется. Смотри. Умиляет, я бы сказал.

Младенчик и впрямь выглядел симпатично. Счастливая мать держала его на руках. Счастливый отец суетился рядом. И видно было, что ребенок соединил в себе черты обеих рас, но в странной своеобразной гармонии. Он уже не был ни человеком, ни маресао. И волосенки у него детские — пушок, в сущности, — четкого коричневого оттенка. Не багряные, как у матери. Не русые, как у отца. Коричневые...

— Челомарес, — хмыкнул я, сворачивая терминал. — Новый вид носителя разума. Приплыли.

Собственно, чего еще было ждать? Курс на интеграцию, и лодка летит по нему на всех парах. Межрасовые браки не просто разрешались, они поощрялись со страшной силой. Непримириемые, конечно, бесились, но кто их слушал. Через полгода родилась еще пара сотен челомаресов. Слово прижилось, кстати. Его начали использовать официально. Но моей заслуги никакой в том не было: генетики пришли к нему самостоятельно. Ничего удивительного, оно просто-таки само просилось на язык.

А на следующий день Репродуктивный центр Златорога взлетел на воздух. Вину на себя взяли Непримириемые. Я слушал их выступление — запись, как всегда, притащил Барунео — и понимал, что все кончено.

Две женщины.

Ольгу Корзанову я немного знал лично. Безумная фанатичка с горящими глазами, автор операции по Злой Звезде, кстати. Бессменный лидер Непримириемых со стороны Человечества.

У второй имя было — язык сломай, забудь про речь. Из багряноголовых. Такая же бешеная. Они вдвоем заявили, что челомаресы — грех и попрание Образа Человеческого, и что терпеть эту мерзость — не уважать себя, и что расовая чистота — залог всеобщего счастья; что непременно нужна борьба с падением нравов — расстреливать тех, кто прыгает в постель к чужому. И так далее и тому подобное. Очень горячий, нервный, эмоциональный спич на два голоса. Кого-нибудь из юных дуралеев вполне убедит.

— Выключи, — велел я Барунео.

— С чего вдруг? — поинтересовался он, но запись убрал.

— Лозунги, друг мой, — сказал я устало. — Я их еще в юности наслушался. Чтобы спасти одних детей, надо взорвать других детей — чудесная логика, не находишь?

Он кивнул. Поколебался немного и вдруг выдал:

— Прими заявление. Я ухожу.

— Что? — изумился я.

Барунео встал. Прошелся по кабинету. Сел. Сказал, разглядывая собственные пальцы:

— Знаешь, зачем я пошел в энергетику? Зачем учился, тянулся, был лучшим на потоке?

Я догадывался: за тем же, за чем и я. Это же очевидно.

— Я хотел стать лучшим. Самым лучшим. Сделать карьеру. Стать незаменимым. Получить... власть. — Он сжал кулак. — Чтобы потом в любой момент взорвать все это ко

всем трепаным бесам Темной Вселенной. Я искренне считал, что так жить нельзя. Нельзя жить в мире с теми, кто... — Он дернул ворот и замолчал, не находя слов.

— Что-то изменилось? — тихо спросил я.

— Да! — яростно кивнул он. — Эти вот... челомаресы. За ними будущее, Алексее! Двадцать-тридцать поколений — и чистого генотипа не останется вовсе. Не будет ни людей, ни маресао. Будут они. Единый народ нашей планеты. А если я... сделаю... то, что столько лет обдумывал и планировал... все это произойдет еще быстрее. Путь найден. Трудности лишь сплотят вставших на него. Сплотят, но не заставят свернуть.

Я подошел, сел рядом. Сцепил в замок пальцы — до хруста.

— А меня окончательно спалило совместное заявление Непримириемых, Барунео. Если сумели объединиться даже они. Пусть во имя смерти, не жизни, но объединились же...

— Как? Ты — тоже? — Он быстро вскинул голову, посмотрел на меня с недоверием.

— А ты думал... — невесело кивнул я. — Так-то вот, друг. Так-то.

В порыве чувств он сжал мое плечо пальцами. Потом резко встал и вышел. Наверное, затем, чтобы я не видел его лица. Но я успел увидеть слезы.

Вернулся за свой терминал, поставил локти на стол, потер ладонями лицо. Да, меня звали Главным генератором планеты уже очень давно. Да, я мог привести в действие разработанную лично мной схему уничтожения уже давно. И не делал этого, тянул, перекладывал час X на потом, на бесконечное завтра, сам толком не понимая, почему. Понял только сейчас.

Надо жизни служить, не смерти. Только тогда сумеет уняться грызущая душу боль.

С терактами у Непримириемых не задалось. Следующая попытка уничтожить очередной Репродуктивный центр, заявивший о возможности работы с межрасовыми парами, провалилась с треском. Спецслужбы не дремали — и наши, и у маресао. А потом и Непримириемые как-то быстро закончились. Во всяком случае, те из них, кто чересчур агрессивно сопротивлялся генеральной установке на мир и дружбу.

Мы с Барунео взялись строить Южное энергетическое кольцо.

С каждым годом челомаресов рождалось все больше.

Осень на Белой скале — все та же. Холодное хмурое утро, задернутый одеялом туч горизонт. Алый, сиреневый, зеленый, снова алый лес. И каменная Ленка за секунду до собственной гибели. Эмо-скрипка в руках — как живая. Неведомый мастер сумел передать в белом мраморе все: каждую черточку, каждое движение, каждое чувство. Может, он сам слышал и видел? Был в том отряде?

Собственно, так и распространилась Ленкина песня — через записи с камер «гоу-про» на броне врага. Их было двенадцать. Двенадцать видео, с разных ракурсов. В свободном доступе. Я их все потом просмотрел.

Эти ребята вчерашние, с очередным концертом. Они пытались играть Оборванную Мелодию, пытались даже продолжить ее — существовало несколько вариантов, авторы передрались между собой, выясняя, чей вариант наилучший. Год назад я наткнулся на активное яростное обсуждение в информсети. Сначала было смешно, потом стало злобно, а потом...

«Ребята, вас там не было. Ни одного. Вы не видели, не чувствовали ничего того, что видела и чувствовала она. Вы хорошие скрипачи, может быть, лучшие, даже лучше, чем

она. Но вас там не было. Вам никогда не сыграть эту мелодию так, как сыграла ее она. Вам никогда ее не закончить. Потому что вы — не она. Извините, ребята. Без обид».

И подпись — «Алексей Федоров». Что меня дернуло, сам не знаю. Я потом в то обсуждение больше не заглядывал никогда. Но Барунео — главный добытчик новостей — как-то сказал, что соревнования на тему «кто допишет Оборванную Мелодию лучше всех» прекратились. Играть-то играли. Но — канон. Без интерпретаций, творческих переосмыслений и прочего такого же.

— Ты доволен? — спросил меня тогда Барунео.

Я пожал плечами и не ответил. Мне было все равно.

...Ленка, Ленка... Леночка, Ленуша. Елена Картошкина.

Такое обычное, простое, приземленное, совсем не подходящее для героической личности имя. Особенно фамилия, да. Картошкина...

Осенний дождь ползет по твоим каменным щекам, как слезы. И все кажется, что ты сейчас оживешь. Вспыхнет белым сиянием эмо-скрипка, взвонит рука с виртуальным смычком, и Оборванная Мелодия обретет свое совершенство в законченном финале.

Аргумент.

Едиственный, который смог услышать враг. И из врага трансформироваться в... Ну, пусть не в друга — не все так быстро и не все так просто. В доброго соседа, пожалуй. Благодаря тебе. Ради этого и жизни не жалко, правда?

Без жертвы ничего бы не было. Без крови.

Я положил цветы к Ленкиным ногам. Алые розы. Она их любила. Вырастил сам, в своем собственном цветнике у дома. Каждый год приношу громадный букет. С четным количеством бутонов. Каждый год он лежит здесь, не увядая, до самых морозов.

Память душила. Память, где океан выбросил меня на берег. Одного. Ленку он забрал с концами, а меня брезгливо выплюнул обратно. Задыхающегося, ослепшего от горя, изломанного и избитого свирепой стихией так, что казалось — не выживу.

Выжил. Выкарабкался. Живу до сих пор.

Живет и Лена. В камне. В памяти обоих народов.

Мое имя забудут, ее — никогда.

Ленка, Ленка...

— Указать неверную дату было правильным решением, не так ли? — раздался вдруг за спиной чей-то голос. — Сдвинуть на один день.

Я обернулся. Она смотрела на меня, чуть склонив голову, с грустной улыбкой. Женщина-маресао. Высокая, крепкая. С нежной салатной зеленью в багровых волосах — при знаком седины.

— Что тебе нужно? — резко спросил я. Мне не понравилось, что она здесь возникла. Как вообще посмела! Это мой день! Это мой разговор с Леной, только мой, ничей больше!

Она тяжело шагнула вперед, выдернула нож из ножен на правом боку и вдруг опустилась на колени, протягивая мне клинок.

— Это я убила ее.

Я утратил дар речи. Смотрел на нее, не соображая ничего.

— Это я убила ее, — повторила она. — Возьми... оружие... и заверши мой жизненный путь, как должно.

Что с ней случилось, с чего вдруг такое раскаяние?

Я не спросил сразу, а потом спрашивать было уже поздно. Но тот факт, что эта женщина явилась сюда через столько лет, говорил лишь об одном: мучительное раскаяние далось ей очень непросто.

И я вдруг узнал ее! Она — из Непримиримых. Именно она

ФАНТАСТИКА

выступала тогда с Ольгой, беря на себя теракт в Златороге. Выступала с обращениями и потом, даже когда Ольгу пристрелили при задержании. Затем куда-то делась. Я думал, она тоже погибла. Так или иначе. Фанатики выживают редко.

— Встань, — сказал я наконец. — Живи...

Поймите меня правильно. Я их всех все равно ненавидел. И эту конкретно — в особенности. Ведь это она убила Ленку! Но всей моей ненависти не хватило на то, чтобы взять нож и хладнокровно зарезать стоявшую передо мной на коленях женщину.

Она поднялась, смотрела недоверчиво. Уже попрощалась с жизнью — и на тебе. Умереть не получилось. Впрочем, она еще могла броситься со скалы. Повторить, так сказать, мой путь. А мне вдруг отчаянно захотелось вернуть ее к жизни. Сам не знаю почему. Ленка одобрительно улыбалась мне сквозь пелену дождя.

— Дети есть? — спросил я грубо. Не смотрел на нее. Вообще спиной повернулся. Знал: не ударит. Не затем пришла.

Она встала рядом со мной, плечом к плечу. Близко...

— Были, — ответила наконец.

В ее коротком «были» я уловил отблеск огня, спалившего Злую Звезду и другие города маресао. Наше дело правое, мы сражались за свою землю и не стояли за ценой. Не церемонились с врагом, и не должны были церемониться, и...

И прежняя злость, легко прыгавшая в сознании при одном только воспоминании о сгоревшей в порохе войны юности, впервые ко мне не вернулась сегодня.

— Роди еще, — посоветовал я. — Будет дочь, назовешь ее Ленкой.

— Ленкой, — задумчиво повторила она.

— Елена, — назвал я полное имя.

Повисло тяжелое молчание. Но дождь вдруг утих, а облака над океаном прорвало солнечным светом. Мир вспыхнул, заиграл миллионами живых красок. И это был знак.

Через год родится еще одна девочка-челомарес. Подрастет, выучится игре на эмо-скрипке. И может быть, завершит Оборванную Мелодию так, как должно.

Может быть...

А пока над холодным осенним океаном выл ледяной ветер, и белый мрамор улыбался нам Ленкиной улыбкой.

Жизнь продолжается. Несмотря ни на что и вопреки всему. Все-таки она продолжается!

Хорошо, что мы это поняли.

И хорошо бы еще, если навсегда...

